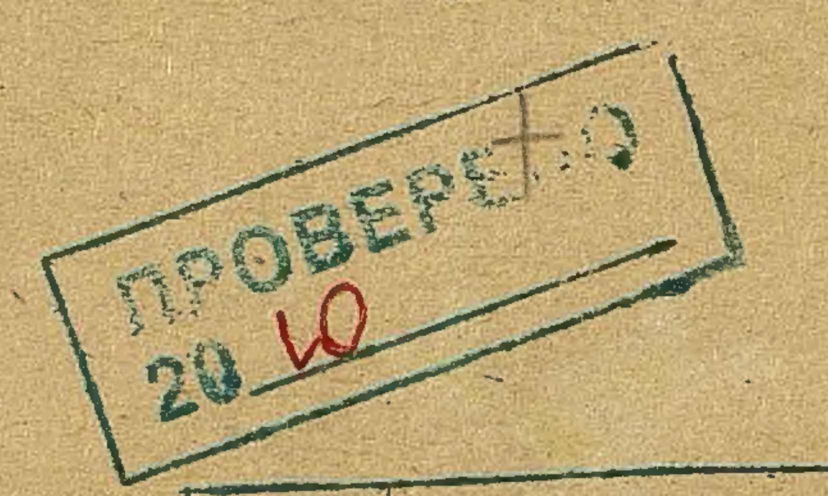
С. С. КУТЯШОВ.

ЭТНОГРАФИЯ ЧУВАШ
И
ЧУВАШСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Чувашское Государственное Издательство
ЧЕБОКСАРЫ, 1932 г.

М 2624 к
ПРОВЕРЕНО
20 10
РЕДКАЯ КНИГА

С. С. КУТЯШОВ.

ЭТНОГРАФИЯ ЧУВАШ
И
ЧУВАШСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Чувашское Государственное Издательство
ЧЕБОКСАРЫ, 1932 г.

Послано в производство 5/XI—31 г.
Подписано к печати 28/XI 31 г.
Отв. редактор И. Яковлев.

Типография № 2
Чувашгиза в гор. Алатыре,
ЧАССР.

Заказ № 3739. Чувашглавлит № 1784 Тираж 3000 экзем.

ЭТНОГРАФИЯ ЧУВАШ И ЧУВАШСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ.

I. Старая ряса в новых заплатках.

Этнография—не самостоятельная наука. Она является вспомогательной исторической дисциплиной. Самостоятельно этнография не может решать и делать выводы в тех или иных проблемах истории. Являясь частью исторической науки, как подобные ей научные дисциплины: археология, антропология, лингвистика и т. д., этнография обладает специфической методикой работы над своим об'ектом, т. е. живыми памятниками конкретных социально-экономических формаций.

Как научная дисциплина, этнография развилась на основе колониальной политики торгового и промышленного капитала, в особенности, на основе колониальной политики империализма. Отсюда, этнография являлась ближайшей спутницей, верной слугой империализма. Такую же роль играет этнография в современных капиталистических, империалистических странах.

Этнография мелких народов Российской империи, т. н. „инородцев“ развилась, точно также, в связи с колонизаторскими устремлениями русского торгового и промышленного капитала, в связи с христианизаторско-руссификаторской политикой царизма. Отсюда понятно, почему этнографией в первую очередь и главным образом занимались офицеры, бароны, князья церкви, странствующие миссионеры, странствующие купцы, исправники и прочие чины жандармско-полицейского самодержавия. Академия Наук Российской империи работала по заданиям царского двора, по заданиям святейшего синода или „Православного Миссионерского Общества“.

„Ученые путешествия“ и „ученые экспедиции“ 18 и 19 веков, которые снаряжались, например, в Волжско-Камский край для изучения „инородцев“, в основном преследовали цель: изучить „религиозно нравственное состояние“ „инородцев“, знакомиться с тем, насколько сильны старые религиозные традиции, как прививается христианство и какими методами воздействия укрепить „веру христову“, как превратить „инородцев“ в русских „и по вере и по языку“.

В этой же связи и по такому же пути развивалось этнографическое изучение чуваш. Первое время изучением чуваш занимались „ученые путешественники“, а затем непосредственно Казанская духовная академия, Казанское общество „братства св. Гурия“ и отдельные миссионерские деятели Поволжья. Одним из видных „апостолов“ воинствующего миссионерства среди народов Поволжья, в особенности среди чуваш, являлся **Н. В. Никольский.** Окончив „с успехом“ Казанскую духовную академию, он получил звание кандидата бого-

словия и стал преподавателем миссионерских курсов при духовной академии и усердным последователем системы Ильминского.

„Последнее слово“ в области этнографического изучения чуваш связано с именем этого профессора Н. В. Никольского. Разберем „перлы“ „творения“ сего миссионерского апостола, „природного чувашина“, как любят называть его чувашские национал-демократы, козыряя его профессорским званием. Возьмем его „последнее сказание“: **Краткий курс этнографии чуваш**“ (вып. 1-й, Чебоксары, 1928 г., 224 стр., цена 3 руб.).

Замысл Н. В. Никольского размашист: он рассчитал этот труд на три выпуска:

I. Материальная культура.

II. Социальный строй (Брак и семья. Общественные союзы (?). Формы организации (?). Элементы власти (?). Общение союзов.

III. Духовная культура (Язык. Религия. Нравственность. Письмо).

Такую же программу он рекомендует педагогам и научным работникам. „Эта программа... хороша... в руках опытного руководителя и дурна у неопытного педагога. Хорошо осведомленный в вопросах этнографии руководитель сумеет показать, что культура народных масс—нечто очень сложное, значительное, говорить о ней он будет в пределах... о „культурных слоях“ европейских народов“ (стр. 10).

Из этой классификации этнографического материала и из комментариев к ней уже видно, что обещает Никольский и что он может или способен дать. Из его „обещания“ мы видим пока-что первый выпуск—„материальная культура“, но ожидать выхода последних двух выпусков не приходится

поскольку первый выпуск уже определяет всю концепцию автора и всю ценность его трудов.

Этот „первый выпуск" имеет следующее содержание:

1. Понятие об этнографии (5-6).

2. Этнография в чувашской школе (6-11).

3. Этнографическая наука о чувашах встарь и теперь, в связи с общими достижениями по этнографии (11-14).

4. Естественно-исторический очерк чувашского края (15-18).

5. Чувашское местожительство прежде и теперь (18-24).

6. Физический и психический тип чувашина (25-30).

7. Жилища и постройки (30-52).

8. **Занятия чуваш** (Охота. Рыболовство. Садоводство. Птицеводство. Пчеловодство. Огородничество. Древонасаждение. Земледелие. **Подсобные занятия:** Лесная промышленность. Ремесленная промышленность. Торговля. Отхожие промыслы. Бурлачество) (52-117).

9. Техника (Добывание огня. Обработка минеральных веществ. Обработка животн. веществ. Обработка дерева Обработка волокнистых веществ. Приготовление спиртных напитков. Добывание смолы и сидка дегтя. Добывание масла) (117-163).

10. Одежда чуваш (163-187).

11. Пища (Пища животного происхождения. Пища растительного происхождения. Приправы и напитки. Приготовления из муки. Приготовления из муки для жидких кушаний. Приготовления из крупы. Приготовления из молока. Приготовления из яиц. Приготовления из мяса и крови. Жидкие блюда. Напитки. Общие замечания относительно стола чувашина) (187-217).

Судя по этой схеме, мы видим, что Никольский начинил свой „Курс“ чем только угодно, но не этнографией. Здесь мы находим и экономическую географию, и агрономию, и кулинарное дело и т. д. Даны также исторические сведения, свения по психотехнике; с большим смаком приведедены приемы приготовления самогона и спиртных напитков, как образец „чувашской технологии“.

Подобное расположение этнографического материала, и классификация этнографического материала, как делает это Никольский в своем „Курсе“, обнаруживает его полное незнание своего предмета и показывает полную „беспредметность“ самой этнографии, т. е. старой этнографии, занимавшейся описанием, собиранием материалов. И работа Никольского представляет собой плохую компиляцию старого материала и старых схем.

Если бы труд проф. Н. В. Никольского не являлся пособием для чувашских школ по краеведческой работе, если бы Наркомпрос Чувашской республики из'ял этот „Курс“ из списка рекомендованных учебных пособий и если бы многие учителя чувашских школ не пользовались им как программой чувашских националистов или как программой по миссионерскому просвещению, тогда можно бы совершенно не заниматься разбором этого произведения, поскольку труд сам по себе в научном отношении не представляет особой ценности [1]). Вся суть в том, что этот „Курс“ является своего рода „евангелием“ бывших миссионеров, национал-демократов и националистически настроенной части чувашской интеллигенции.

---

[1]). См. напр. № 11-12 журн. „Народное Просвещение“ за ноябрь декабрь 1930 г., где в статье „Какими материалами необходимо пользоваться в школах при преподавании истории и этнографии чуваш“, дана о книге Никольского похвальная аннотация.

Больше того, это произведение, служа платформой чувашского национализма, является аналогией ликвидированного и ликвидируемого класса кулачества.

Это произведение нужно рассматривать в связи со всей методологической концепцией Никольского, в связи с „историей“ самого „Курса“ и в связи с теоретической концепцией чувашского национализма.

Дело в том, что настоящий „Курс“ является произведением, который составлен целиком из комбинации дореволюционных миссионерских трудов и материалов Казанского общества „братства св. Гурия“. Собранные среди чуваш в течение одного или двух столетий в миссионерских целях, они теперь перенесены на советскую почву и трактуются как данные сегодняшнего дня. И это делается автором вполне сознательно, потому что он преследует этим определенные политические цели.

В 1911 г. Никольский опубликовал свои работы: **„Кратний конспект по этнографии чуваш“** [1]) и **„Этнографические заметки о чувашах Козмодемьянского уезда, Каз. губ.** [2]). В 1912 г. вышла солидная по об'ему работа **„Христианство среди чуваш среднего Поволжья в 16-18 веках“** [3]). Сверх того, Никольский опубликовал еще ряд работ до 1910 г. и после, до 1917 г. [4]) „Курс“ Никольского, вышед-

[1]) Изв. Об-ва Арх. Ист. и Этн. при Каз. унив. т. XXVI, вып. 6 за 1911 г., 511-624.

[2]) Там же, т. XXVII, вып. 4, стр. 246-270

[3]) Там же за 1912 г. вышла еще отдельным оттиском 416 стр.

[4]) В 1919 г. был выпущен Никольским „Конспект по этнографии чуваш“.

ший в 1928 г. в советском издательстве и на советские деньги, является целиком старым, миссионерским материалом. Свои труды по этнографии чуваш, составленные в практических целях миссионерского „просвещения" чуваш, а также труды других миссионеров Никольский преподнес советскому читателю. Сгруппировав дореволюционный материал, он поставил на этом материале новые заплатки и таким образом на „ученые труды" Казанской духовной академии приклеил советскую марку.

Чтобы не быть голословными, мы обратимся к документам и произведем некоторое „сравнительное" изучение. „Краткий конспект" 1911 г начинается так:

„Этнография—слово не русское. В буквальном переводе с греческого оно значит „народоописание". Описывать можно деревню, волость, предмет... Наша наука занимается описанием, фотографированием действительности... Ее задача не просто описательная, но и пояснительная"... и т. д.

Стоит посмотреть начало „Курса" 1928 г и всякий убедится, что слова буквально совпадают. Строка за строкой, абзац за абзацем на двух-трех страницах—полное совпадение. Разница только в „ять" „ъ" и „i". Затем кое-где сделано изменение формулировок или отдельных слов. Например, в одном месте „Конспекта" сказано: „Религиозные обряды, помимо практического миссионерского значения, для нас имеют и значение историческое". А в „Курсе" Никольский пытается замаскировать свою миссионерскую физиономию. Здесь он ограничивается только словами: „Религиозные обряды имеют значение историческое". Кроме того при переложении „Краткого конспекта" в „Курс", Никольский старался сделать ряд „стилистических" поправок, применяя „осторожные" формулировки

Если взять еще несколько работ Никольского, например, „Народная медицина у чуваш“ [1]) (издана в 1929 г. в Чебоксарах), тезисы его доклада на „Первом Всечувашском С'езде“ в 1928 г. в Чебоксарах и другие его работы и выступления, станет еще более убедительным, что Никольский везде и всюду, в течение двух-трех десятков лет, твердит одно и то же, преподносит одну и ту же схему классификации этнографического материала, рекомендует одни и те же методы для изучения этнографических явлений. Он плелся в хвосте за самой консервативной, застывшей, догматической установкой буржуазной методологии. Следовательно, он ничего не вносил, никакой новой мысли сам от себя не давал, избегал применять новые, прогрессивные, левые направления буржуазной науки. Каким он являлся в бытность его кандидатом богословия, таким же остался по сей день Несмотря на это, благодаря поддержке чувашских националистов, ему удалось получить звание советского профессора. Правда, здесь большую роль сыграла поддержка буржуазной профессуры, даже иностранных буржуазных ученых. От того, что Никольский стал профессором, неужели он стал лучше миссионера-кадета? Нет. Он и сегодня кадетствующий клерикал, национал-демократ.

Однако, это не мешает ему рекламировать себя, козыряя своими „учеными заслугами“: Он состоит членом около десятка научных обществ, в том числе, „пожизненным и действительным“ членом Русского географического общества в Ленинграде, он имеет около 50 печатных научных трудов и несколько сот печатных листов в руко.

[1]) Об этой книге поговорим особо. Здесь только отметим, что данная книга тоже целиком из старого материала, неоднократно опубликованного в различных вариантах. С. К.

писи (см. журн. „Этнография" за 1927 г. № 2, отдел „Персоналия", стр. 396, где Никольский рекомендует себя и свой „товар", как какая нибудь торговая фирма, казыряя отзывами академиков, русских и иностранных буржуазных ученых, в том числе отзывом венгерского ученого-фашиста Масароша). Никольскому сейчас не выгодно козырять своими чистейшими богословско-поповскими произведениями. Это невыгодно в Советском союзе, но об этих трудах, несомненно, „хорошие", лестные отзывы он может получить от папы Римского. Но об этих „заслугах" он умалчивает и старается „спрятать концы в воду". В своих рекламных заметках, или в своих „Куррикулум-вите" он не говорит теперь о богословской диссертации „Христианство среди чуваш", о „Сборнике проповедей на воскресные дни" (Казань, 1910 г. 476 стр.) и о своей бывшей „ученой" степени кандидата богословия. Если он спекулирует тем, что с 1915 г. по 1922 г. был преподавателем Казанского университета и других ВУЗ'ов, то о преподавании на миссионерских курсах, о работе в „братстве св. Гурия", в переводческой комиссии миссионерского общества и т. д.—Никольский умалчивает. Очевидно, он считает неприличным говорить и о том, что состоял в кадетской партии и даже редактировал кадетско-эсеровскую националистическую чувашскую газету „Хыпар" (1906 г.).

Никольский рекламирует не только свои собственные „ученые заслуги". Если про себя он пишет:—... „Помимо печатного материала,—у чувашских этнографов имеются рукописные собрания, о собрании Николького неоднократно печаталось в заграничных изданиях" („Курс", стр. 13), то про своих друзей он говорит следующее: „По вопросам хозяйства и общества (?) в настоящее время един-

ственными печатными работами являются труды **Д. П. Петрова** (Йуман).

1. „Автономная чувашская область“. Чебоксары 1923 г. 2. Чувашский календарь, Чебоксары, 1923 г. 3. „Чувашия“, Москва, 1926 г. Нужно пожелать, чтобы талантливый (!) автор, каким является Петров Д. П, свои конспективные работы расширил и издал в виде специальных монографий“ („Курс“, стр. 13).

Многого захотели, господин профессор! Вы стараетесь еще больше расширить вашу „работу“ и мечтаете об осуществлении программы чувашских национал-демократов, одними из лидеров которых являетесь вы сами и ваш коллега Петров (Йуман). Нет, довольно! Надо вывести на чистую воду все ваши „научные заслуги“. Под маской ученых вы добиваетесь определенных политических целей, с вашей „этнографией“ пропагандируете идеи национал-демократизма!

Вот почему мы подробно останавливались на „личных моментах“ Никольского. Из сказанного и из дальнейшего нашего изложения нам будет ясна физиономия и нутро этого псевдоученого. Все его произведения были хороши для царского строя, теперь они представляют собой политически вредную, антисоветскую „идеологическую макулатуру“. В лучшем случае, если не считать политической сущности, эти материалы представляют собой просто „вещеведение“ или, как говорят, „тряпкологию“.

Вот, что можно сказать о трудах Никольского. На основе „сравнительного“ изучения их, на основе только внешнего сопоставления Никольского как кадетствующего попа и как „советского ученого“, его труды действительно следует назвать старой поповской рясой; ветхой и дырявой рясой,

на которой живописно красуются новенькие заплатки.

Теперь остановимся на методологических и этнографических упражнениях проф. Никольского.

II. Проповедь о „мире всего мира“

Разбирая вопрос о том, что такое этнография,— Никольский рассуждает:

„Один московский ученый занялся изучением существующих в международной литературе определений этнографии и насчитал их всего 30.

Более полное определение этнографии чувашиной дано в докладе на 1-м Всечувашском Краеведческом С'езде“... („Курс“, стр. 218).

Посмотрим, каково же это „полное определение“?

„Этнография чуваш есть наука, **изучающая развитие интеллектуальных** (!) **и психических сил чуваш** (!?), развитие, которое под влиянием антропологических особенностей, географической среды, исторических и экономических условий, своеобразно протекало у чуваш и нашло свое выражение в особенностях материального и психического уклада их жизни“ [1]) (Курсив мой. С. К.)

Это называется полным определением! Этнография обогатилась еще одним, 31-м по счету определением!

Это „определение“ не определяет этнографию, а определяет самого Никольского, как путаного идеалиста. Все же, он цепляется за красивые терминологии, ища в них спасения.

1) Первый Всечувашский Краеведч. С'езд. Тезисы доклада Никольского „Этнография чуваш“.

,,Этнография чуваш,—пишет он.—находится в тесной связи с социологией, антропологией, лингвистикой, этнологией, историей, экономикой, археологией, палеонтологией"... („Тезисы").

Почему же только этнография чуваш имеет „тесную связь", а не вся этнография? Разве этнография в целом не связана с историческими науками и не является сама частью исторической науки? Никольскому обязательно надо подчеркнуть именно „этнографию чуваш", не исходить из общих методологических принципов, а построить свои положения таким образом, чтобы чуваши были „пупом земли". Если... „**в языке народа мы видим душу его**"... („Тезисы",—курсив мой. С. К.), то этнография должна заниматься изучением и „души народа" или его «духа",—„интеллектуальных и психических сил чуваш"...

Нужно ли останавливаться на этих сумбурных спиритуалистических построениях Никольского? Мне кажется, все это не выдерживает никакой критики. Для нас здесь особого интереса не представляет критика идеалистической (да еще примитивной) концепции Никольского. Для нас в данном случае имеет значение другая сторона его поповского построения,—это то, что он не видит общества, а если видит, он его старается замазывать. Пытаясь подойти к социологии и „связаться" с ней, автор издает лишь жалкий лепет. Но подойти к обществу он боится, потому что общество есть классовое, лучше всего сказать „народ", и дело как нибудь сойдет. Однако, несмотря на всю путанность построения Никольского, у него имеется определенная „стройная система". Это более ярко сказывается на другом, „дополнительном" определении этнографии. Оказывается... „**Этнография—первая и единственная из наук, которая смело во все времена говорила о**

равноправии народов. Она есть единственная из наук, которая может сказать чувашину (и татарину, и мордвину?—С. К.), **кто он и что он** („Тезисы"—курсив мой. С. К.).

В своем „Курсе" Никольский проводит ту же точку зрения. Цитируя и комментируя „изречения" агентов империализма, он преподносит их советской школе.

„Народовед Лушан придает этнографии чрезвычайно важное значение". „Введение в предмет преподавания этнологии является требованием не только науки, но и морали и национального благосостояния (читай: воспитание молодежи в духе колонизаторов, в духе „культур-фолькер",—С. К.)". Русский ученый Е. И. Титов значение этнографии определяет таким образом: „Этнография—единственная наука, сказавшая в пользу братства народов решительное и авторитетное слово" (почти по Никольскому... или... наоборот? – С. К.). Более подробно развивает мысль о значении этнографии В. Н. Харузина „Научить об'единить в чувстве общей любви все народы... посредством изучения их" (Это не из евангелия? С. К.),—в этом состоит первая и важнейшая задача педагогов всех типов школ" („Курс", стр. 6).

Здесь Никольский раскрывает секрет своего „полного определения". Его построение и теоретические упражнения есть амальгама, смесь различных буржуазных теорий и догматического богословия. В его рассуждениях можно найти и кусочек от „культурно-исторической" школы (Гребнер,

1) Несмотря на решительное выступление на Краеведческом с'езде молодых научных работников и студентов-коммунистов и комсомольцев против такого определения этнографии, Никольский не изменил это место своих тезисов и в таком же виде опубликовал, благодаря поддержке Наркомпроса Чув. АССР.

патер-кардинал Шмидт, патер Копперс и др.), кусочек от эволюционной и генетической школ (Э. Ган, Г. Шурц, Фрезер и др.). Концепция Никольского вполне совпадает с концепцией Г. Шурца, у которого дух является двигателем культуры, чем выше культура, тем выше дух. В Никольском сказывается и Ранке, у которого тоже история движется тенденциями человеческого духа (Между прочим, этого самого Ранке Маркс называл „камердинером истории", маленьким грибом", „танцующим карликом" и т. п.). Однако, совпадение концепции Никольского со всеми течениями буржуазной этнологии отнюдь не означает, что Никольский овладел буржуазной этнологией. Это лишь характеризует его как беспринципного путаника плагиатора и псевдоученого. Он взял „верхушечки" от буржуазной этнологии, заимствовал самые реакционные, консервативные построения и, смешав все это, состряпал похлебку—„чувашскую этнографию". Пользуясь немецкой литературой, он заимствовал все то, что ему по душе. И „верхушечки" от буржуазных теорий он применяет в качестве модной вывески, в качестве нафталина для своих миссионерских тряпок. Чем больше он прибегает к попытке увязать этнографию с историей и социологией, тем больше обнаруживает свою беспомощность, несостоятельность своих теоретических построений.

Распространение этнографических знаний среди населения у Никольского имеет совершенно определенную политическую цель. При помощи этнографии он хочет проповедывать идею о „братстве народов"... „Развитие этнографических знаний имеет громадное значение для современности.

Борьба в политике, в религии, в науке, быте значительно облегчилась бы (!!), если бы широкие массы осмыслили хотя бы некоторое количество фактов **в перспективе широкой панорамы жизни человечества в целом**" („Тезисы", стр. 69,—кур. мой,—С. К.).

Вот чего хочет Никольский! Он хочет „облегчить борьбу" и „об'единить в чувстве общей любви все народы". „Мир всему миру и в человецех благоволенье!" Нужно заключить „братский союз" с империалистами и их агентами внутри СССР; не надо обижать кулака, пусть он „мирно" жгет колхозы, пусть он душит батрака и бедняка... Этнография „раз'ясняет" нам, что „все люди—братья", что существуют только люди, мирно живущие во вселенной...

Еще в 1913 г. Ленин писал о таких „миротворцах" следующее: „Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического оппортунизма. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв" (т. 12, ч. 2, стр. 46).

В своей статье „Прикрытие социал-шовинистической политики интернационалистическими фразами", тов. Ленин говорил:

„Буржуазное общество постоянно вскармливает таких политиков, любящих называть себя внеклассовыми, и таких оппортунистов, любящих называть себя социалистами, которые умышленно и систематически обманывают массы самыми пышными, самыми „левыми" словами" (т. 13, стр. 216).

В другом месте Ленин писал:

„Защита сотрудничества классов, отречение от идеи социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление

к буржуазному национализму, забвение исторически переходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя „широкие массы населения“ (читай: мелкую буржуазию),— таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма (т. 12, стр. 12).

Эти слова Ленина, сказанные по адресу ренегатов революции, изменников рабочего класса, приспешников буржуазии, социал-шовинистов,—не устарели и на сегодняшний день. Эти указания Ленина относятся и к современным уклонам в партии, правым и „левым“, а также относятся к национал-оппортунизму, национал-демократизму. В этой же связи находится чувашский национал-демократизм одним из апостолов которого является Никольский. Будучи до революции агентом царизма, Никольский много приложил „усердия“ и много сделал в деле обмана чувашских трудящихся, в деле пропаганды мирного сотрудничества с помещиками, капиталистами, кулачеством и с попами. И в настояще время Никольский не сошел со своего амвона. Проповедуя идею классового сотрудничества, о „мире всего мира“ и об „общей любви всех народов“ Никольский является пособником интервентов и является агентом нэпманской буржуазии и кулачества.

В этой же связи находится „экономическое учение“ Никольского. Он рассуждает: „Чуваши очень неохотно переходит к посевному зерну чужих земель“, если бы оно было во много раз лучше его „чувашского“ зерна. Вы будете ему рисовать выгодность, допустим, пробштейнской ржи, говорить о крупном, полном зерне, о длинно

колосе, высокой соломе. Чувашин... возделывать ее у себя не будет, потому что все „заморское" нежно, чувствительно, любит удобрения, а у него чувашина, нет условий"... („Курс", стр. 81).

Значит, незачем заниматься агропропагандой и незачем говорить чувашскому крестьянину о сортовых семенах, об увеличении посевов технических культур... Зачем говорить о колхозах, раз для строительства колхозов среди чуваш „нет условий". „У него мала площадь. Он дорожит каждой саженью ее и поэтому не поступится никакой площадью даже для опыта" (там же). Следовательно, по советам Никольского, совершенно не нужно и думать о социалистической реконструкции сельского хозяйства Чувашии... Пусть чувашский кулак держит в своих лапах чувашского батрака и бедняка.

Оказывается, в Чувашии „нет условий" и для развития промышленности. „Обзор чувашской народной техники говорит нам о том, что народная мысль стремится использовать естественные произведения почвы путем механической и химической обработки их; за отсутствием средств, чувашин не может развить ни одной из описанных сторон техники. В производство не прилагался капитал; **не созданы еще условия, рисующие чувашину выгодность развития того или другого вида техники, поэтому народная техника не идет по должному развитию и не обнаруживает тенденцию к усовершенствованию.** Задачи народной техники скромные **удовлетворение насущных нужд данного хозяйства и только;** нет стремления работать для рынка" („Курс", 163,—кур. мой,—С. К.)

„Точка зрения" Никольского вполне определенна. Он целиком стоит на платформе Чаяновых, Сухановых и Кондратьевых. Кадетствующий

клерикал обосновывает теорию чувашского наци-онализма и протягивает свою „братскую" рук идеологической помощи чувашским оппортуни-стам правым и „левым", и национал-демократам.

Буржуазно-националистическая концепци Никольского очень тесно связана со всей историче-ческой и теоретической концепцией чувашско национализма. Поскольку Никольский в своих труда затрагивает и исторические и экономические вопрос он обобщает всю платформу чувашского национа-лизма [1]. Как Никольский, так и чувашские „исто-рики" в один лад поют о том, что в чувашско деревне не было буржуазии, кулачества, что чуваш-ская деревня в настоящее время вырождается, Октябрьская революция ничего не дала и т. Каждый из них с своей позиции, занимаемой и на культурном фронте, проводит пропаганду кла-сового мира; выступает против коллективизаци а, следовательно, против ликвидации кулачест как класса; подводит „теоретическое обоснование под вопросы национальной культуры, литер-туры, исскуства и т. д. Никольский же, как и в национал-демократы, занимая „командные высот в области этнографии чуваш, пользуется сво предметом, как рупором кулачества и междунаро-ного империализма.

3. Метод Никольского и национал-шовинистический тенденционизм „чувашеведов".

Метод является способом исследования явл-ний об'ективной действительности. Метод опр-деляется природой и характером об'екта исслед

[1]) Об исторической установке чувашских националист см. статью И. Кузнецова в журн. „Революционный Вост № 9—10 1930 г. „Против националистической концепции чувашской истории".

вания. Но в то же время сам метод определяет содержание и форму исследования явлений об‘ективной действительности. В „Конспекте Логики“ Гегеля Ленин писал: „Метод есть сознание формы внутреннего самодвижения ее содержания“... „Метод, таким образом, есть не внешняя форма, но душа и понятие содержания“ (IX й Лен. сборн., стр. 47, 307). Вместе с тем, метод непосредственно связан с общим вопросом теории познания. От разрешения вопроса об отношении мышления к бытию или бытия к мышлению зависит и метод познания действительности. Вопрос об отношении бытия к сознанию, к мышлению единственно правильно, единственно научно разрешил диалектический материализм. „Материализм вообще признает об‘ективнореальное бытие (материю), независимо от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия“... (Ленин, т. X, перв. изд., стр. 275).

Диалектический материализм, революционный марксизм-ленинизм познает явления об‘ективного мира, природы и общества, исходя из этой основной установки философии марксизма. „Диалектическим методам—в противоположность метафизическому—Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается, как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим об‘ективный анализ производственных отношений, образующих данную

общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития" (Ленин „Что такое друзья народа", т. I, стр. 102).

Отживающий класс, класс буржуазии и его прихвостни стоят на диаметрально противоположной точке зрения. Господствующая методологическая концепция в буржуазной науке, это идеализм со многими его разновидностями.

В нашей стране на данном этапе социалистического строительства, когда пролетариат победил капиталистические элементы в промышленности окончательно и бесповоротно, когда мощным потоком разлилась волна сплошной коллективизации, на базе которой ликвидируется кулачество как класс, когда мы вступили в период социализма,— отживающие классы проявляют бешеное сопротивление решительно во всех областях нашего экономического и культурного строительства... „На арену открытого противопоставления своих интересов и тенденций делу социализма выступают решительно все представители старых сил и традиций, даже бывшие ранее инертными... Не только в области политики и экономики, но и в области идеологии все больше обнаруживается резкая грань между марксистско-ленинской партийной линией и множеством всяких буржуазных и мелкобуржуазных концепций, взглядов, теоретических положений, в какой бы внешне марксистской форме они ни выражались" (**В. Ральцевич** „На два фронта").

Наука всегда была классовой, партийной. Партийность в науке особенное значение имеет на данном этапе нашего строительства. Следовательно, и метод научного исследования должен исходить из классовой, партийной установки. Методом революционного пролетариата является диалектический материализм. Этому революционному

методу отживающие классы противопоставляют свой реакционный идеалистический метод, старый догматический, эмпирический и др. методы. Буржуазные методы научного исследования все опираются на „суб'ективный" или „об'ективный" идеализм, и их толкования о детерминизме, каузальности и т. д. сводятся к тому, что они цепляются за „разум", „дух", „природу" и т. д. как причины всего „сущего".

Н. В. Никольский [1]) является одним из представителей отживающих классов. Он свирепо сопротивляется и продолжает упорно отстаивате свою идеалистическую позицию. Не все буржуазные или мелкобуржуазные ученые являются реакционерами. Среди ученых, которые получили подготовку в старой школе и тех ученых, которые являются действительными деятелями науки, мы наблюдаем упорное стремление отказаться от старых методов и приблизиться к марксизму. Никольский не принадлежит к этой категории ученых. Как представитель мелкой буржуазии, он вряд ли сумеет решительно порвать со старым. Для этого у него нет научной подготовки, а на богословской подготовке, далеко

---

[1]) По поводу „Краткого Курса" Никольского появился в печати ряд заметок. В журнале „Книга и революция" № 1 за январь 1930 г. была опубликована статья тов. И. Кузнецова „О некоторых методологических и этнографических упражнениях проф. Н. В. Никольского".

Настоящая моя работа закончена в конце марта 1931 г. и 3-го апреля доложена на заседании секции истории социально экономических формаций научно-исследовательского института народов Советского Востока. После этого доклада в газете „За коммунистическое просвещение" от 15 го апреля, за №88 вышла статья тов. И Шмидте „За решительную борьбу с национализмом в науке". В этой статье вкратце затронуты и те вопросы, которые явились об'ектом моего критического разбора, т. е. материалы Никольского и их национал-демократическая сущность. Во избежание недоразумений я счел необходимым сделать настоящие замечания. АВТОР.

не уедешь. Но решающим все же являются для него старые классовые традиции. Его классовой установкой и классовой идеологией определяется и его метод исследования. Все это определяет, в свою очередь, и собирание материала, и теоретическую разработку этого материала. В основе его работы лежит собирание фактов, фиксирование, фотографирование явлений идеологической и материальной культуры в статическом, в застывшем состоянии. С вещами, предметами, явлениями Никольский оперирует как с навсегда данными категориями. Таким образом, в его методе господствует грубый и наивный эмпиризм и догматизм. Несмотря на всю наивность, ненаучность его метода, он в той или иной степени, с точки зрения буржуазной науки, обладает определенным методом, определенной теорией познания и классово-тенденциозной установкой. Исходя из этой установки, он владеет своим методом, при помощи которого он комбинирует и подтасовывает этнографический материал в целях пропаганды своих мелкобуржуазных, националистически-народнических идей.

Рассуждая о методе этнографической работы и выставляя „узловые вопросы этнографии чуваш", Никольский поучает:

„Чувашская национальная культура в ее статике и динамике; этнографические параллелизмы и диффузии в их статике и динамике; установление места чуваш в культурном творчестве народов мира" (Тезисы).

Исходя из этих задач, метод этнографической работы должен по никольскому органичиваться только собиранием материалов и сравнительным их изучением.

„В первую очередь должна быть усилена и расширена собирательная работа. Собирательная

работа должна носить характер социально-этнографический (надо читать: кулацко-поповский,— С. К.) и лингвистический (безусловно,-по индоевропейской лингвистике,—С. К.)—одновременно. Эти задачи методологически обязывают собирателя к фактически точной и полной записи текста и описания обряда, к фотографическо-точной зарисовке предметов материальной культуры. . Основным методом в этнографии является сравнение... выражающееся в привлечении этнографических аналогий и параллелей"... которое „должно проходить концентрическими кругами, постепенно расширяясь. Первым концентром служит ограниченная территория—это поле обследования этнографа. Следующий концентр—всей народности или нескольких национальностей, связанных между собой—это поле интернационального (!) сравнения. Последней стадией является составление в пределах всех времен и народов поля универсального этнографического сравнения" (Тезисы).

На основе такого метода Никольский дает „практические советы",—как, например, изучать жилище:

...„Мало представить описание какой нибудь пермской, казанской и костромской избы, нужно сравнить все сооружения, имеющиеся в распоряжении нашего крестьянина. Сравнение рисунков, относящихся сюда, дает историю народной архитектуры, сравнение „белого дома", встречающегося у чуваш, с русским даст мысль о заимствовании у русских, а сравнение русской избы с германской скажет о заимствовании у германцев" („Курс", стр. 5).

Здесь совершенно излишне доказывать, что Никольский пользуется самым устаревшим, примитивным методом буржуазной этнологии. Такой метод изучения должен привести к не научным,

поверхностно-дилетантским выводам. И вот мы дальше увидим, как Никольский оперирует своим методом и как наивно-смешны его выводы. Метод Никольского последователен в своих построениях с точки зрения буржуазной науки. Он всячески старается доказать универсальность, внеклассовость науки, и во всей его работе эта установка выдерживается со всей последовательностью.

Мы не отрицаем того положения в этнографической работе, что точность наблюдения, описание фактов должны занимать определенное место. Но мы говорим, что само наблюдение фактов, описание этнографических явлений уже предполагает, определенную классовую методологию, определенную классовую „об'ективную" установку. Никольский это прекрасно понимает. В своих классовых целях, как приказчик мелкой буржуазии, он тенденциозно подбирает материал, тенденциозно его подтасовывает, делая тенденциозно-классовые выводы для пропаганды идей этой мелкой буржуазии, идей кулачества. Нет никакого сомнения, что Никольский все свои материалы собрал с определенной классовой установкой, чтобы затушовывать классовые противоречия и классовую борьбу в чувашской деревне, чтобы внедрить в сознание чувашских трудящихся „христианско-евангельские" чувства „любви к ближнему", чтобы пропагандировать идею национальной самобытности, национальной исключительности и т. д. Собранный этнографический материал в дореволюционное время в миссионерских целях он перенес на советскую почву для защиты отживающих капиталистических элементов, для защиты ликвидируемого класса кулачества.

В своем „Курсе" Никольский занимается не только описанием фактов, но делает попытки и исторических или социологических обобщений,

не имея на это никаких серьезных данных. Исходя из националистических принципов, он трактует об историческом процессе с точки зрения „чуваш-центризма“, т. е. такой теории, согласно которой вся мировая история, все развитие человечества, все стадии истории связаны с чувашской историей. Во всей этой „общей истории человечества“, по мнению Никольского (а также по мнению чувашских „историков“-националистов), чуваши занимают особое место, специфическое, у чуваш был и есть исключительный характер, исключительный „психический уклад“ и т. д. Вместе с тем, по свидетельству Никольского, чувашская история имеет свое начало от „седой древности“, от „доистории“, от „первобытно родового общества“ и т. д. Все эти выводы Никольский делает на основе „данных“ последнего времени, т. е. по материалам 19 и 20 го столетия.

Разбирая материалы о земледелии среди чуваш, цитируя при этом дворянских борзописцев 19 в., Никольский сообщает:

„Чувашская уборка хлебов в этнографической литературе считается специфической для чувашского народа. „Если проезжая деревню в ноябре, увидите только воткнутый на верхушке каждого овина шиш, то смело заключайте отсюда, что это селение чувашское, а не татарское, и не русское“ (Сбоев) „Чувашское сельск. хозяйство очень похоже на ферменное (фермерское? Мечтая об этом, у Никольского, видимо, слюни текут! С. К.), как по сосредоточенному его положению, так по порядку и успешности производства“ (Риттих). Специфичность уборки хлебов у чуваш, сравнительно с другими народностями, должна быть отмечена и относительно тех древних, идущих от патриархально-родовой эпохи (??!), переживаний, котрыми проникнута каждая ступень этой работы („Курс“, стр.100).

У Никольского всюду „археомания". Чем больше отнести историю чуваш к древности, тем больше возвеличивается имя чувашского народа, как представителя древней культуры, следовательно древней истории. Поставив перед собой такую тенденцию, Никольский „анализирует" происхождение сельскохозяйственных культур, развитие техники среди чуваш. Вот его „исторические" повествования.

Ячмень: „Судя по данным языка, ячмень у чуваш возделывался еще в доисторическую эпоху" („Курс", 86).

Полба: „Полба является древнейшей чувашской культурой; когда то в доистории чуваши... живя вместе с современными возделывателями, составляли общую семью, что доказывается бесспорными данными сравнительно исторического (индо-европеистического!—С К) языкознания" (90).

Горох: „Культура гороха у чуваш восходит к доисторическим временам и во всяком случае задолго до христианской эры" (95).

Лен: „Лен—одно из древнейших культурных растений. По данным языка, лен чувашином возделывался очень давно. И это вполне понятно. Звериная шкура не везде могла найтись (!); кроме того, не везде была подходяща; поэтому издревле, на ряду с древнейшими народами мира, чуваши возделывают лен и ткут тонкие и грубые ткани" (97).

Также обстоит с техникой:

„Если принять во внимание сохраняющиеся среди чуваш пережитки добывания огня путем трения дерево о дерево, то придется отнести этот способ также к древнейшим. Во всяком случае, он тесно связан с первобытно родовой эпохой в жизни чуваш" (117).

„Железо и вообще металлы чувашами использовались в седую старину, когда они жили вблизи

соответствующих руд... Употребление металлов им было известно давно, еще в ту эпоху, когда боги и духи произведений народного творчества жили на земле и имели те же слабости и достоинства, какими обладают их потомки" (124).

„Обработка дерева у чуваш началась в незапамятные времена. Деды и отцы работали с топором" (130).

Но между тем... „Одним из древнейших способов добывания пищи и одежды у чуваш была охота... Природа седой древности благоприятствовала (?) этому занятию" (52). Наряду с этим... „Рыболовство среди чуваш существует с незапамятных времен" (52).

А затем... „Древнейшими спутниками чувашина в жизни были: собака, овца, корова, лошадь, бык, коза, верблюд. Впоследствии к этим животным прибавлялись другие виды животных" (очевидно,— миссионерские лисицы и „ученые" ослы? С. К.) (56).

Вот технолого-социологические этюды профессора Никольского! Стоит ли останавливаться для критического разбора его положений? Нелепость, наивность, детское толкование Никольского настолько очевидны, что уже одни цитаты вызывают смех, нет поэтому особой надобности подвергать их соответствующей критике.

Ссылка в „доисторию", в „древность"—обычная манера „историка"-дилетанта, в особенности, национал-шовиниста. Это для него якорь спасения. Во-первых, не нужно особого труда для анализа конкретной социально-экономической формации. Одна лишь ссылка на древность спасает положение, и можно спокойно толковать об истории, рассказывать басни, не затрагивая структуры общества. С другой стороны, ссылка на древность, как мы уже говорили, закрепляет

национальную гордость самих „историков“ и „народа“, представителем которого являются сами „ученые“ националисты.

Мы уже знаем о родстве концепции Никольского с исторической концепцией чувашских националистов. Приведем слово лидера чувашского национал-демократизма Юмана—Д. П. ПЕТРОВА

„Чуваши—самые древние обитатели Камско-Волжского края. Еще на заре русской истории чуваши составляли основную национальную группу, создавшую на Волге знаменитое Болгарское царство... Наши предки за 1000 лет назад доказали, что чувашский народ таит в себе достаточно потенциальной силы, что при благоприятной исторической обстановке он может создать не только элементарные формы культурно-национального бытия: язык, быт, мифология, но в состоянии творить и утвержать и национальные формы независимого государственного существования и самостоятельно развить технику добывания материальных благ. Но золотой век чувашской истории продолжался недолго“ („Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение“, Казань, 1921 г.).

...„Заря свободной жизни для нации погасла“.. Но „Освобождение крестьян от крепостной зависимости благоприятно отразилось и на судьбе нашего народа... В этой то новой политической правовой обстановке... и началось культурно-национальное возрождение чувашского народа, который выведет его в конце-концов на широкую дорогу исторического существования“ (там же).

В этой книге **Д. П. Петров**—Юман развивает всю историческую концепцию и программу чувашского национализма. Он говорит с восхищением о „благотворном влиянии“ системы Ильминского

о физическом вырождении и денационализации чуваш, об отсутствии среди чуваш национальной буржуазии и т. д. и т. д.

Другой национал-этнограф **А. Милли (Прокопьев)** изучал чувашское пивоварение и написал „научный доклад“ **„Пивоварение у чуваш“** (1927 г.), в котором он говорит:

„Крепость чувашского пива химическим анализом до сих пор не исследована. Но оно, несомненно, выше заводского пива, приготовленного в России, а также гораздо питательнее, чем второе“...

В этой же работе Милли „доказывает“, что слово сăра (пиво) все турецкие народы заимствовали у чуваш, что „хмель“ имеет чувашское происхождение и все народы заимствовали его у чуваш и т. д. Точно также все финские народы и татары, населяющие Волжско Камский край, земледелие переняли у чуваш.

„Из перечисленных народов (все турецкие и финские народы—С. К.) Волжско-Камского района чуваши являются народом с наиболее древней земледельческой культурой. Вне всякого сомнения, что эти народности земледелию научились у чуваш, не говоря уже о татарах, которые недавно перешли к земледелию“ (там же).

Тот же Милли в 1925-26 г. около Чебоксар находит на татарских старых кладбищах надмогильные камни с арабскими надписями и об'являет, что все эти кимни чувашского происхождения и являются памятниками чувашской культуры.

„Все эти памятники,—пишет он,—относятся к разным культурно-историческим эпохам края. Но самой близкой, историческо-выясненной из этих культурных стадий представляется болгарская

стадия Волжско-Камского края, в которой господствующее положение играли чуваши" (А. Милли „Археологические находки в ЧАССР").

Кроме этих „ученых выводов", Милли высказывал ряд „оригинальных" соображений в других своих докладах. Так, например, в одном своем „научпом" докладе на собрании общества изучения Чувашского края от 24 го мая 1922 г. Милли говорил:

—„Для устранения национального развала и раскрепощения чуваш от сковавшего их влияния русской культуры, необходимо: во-первых, **сменить идеал исключительного усвоения только русской культуры идеалом непосредственного усвоения западной культуры**, как общечеловеческой(!!) и сохраняющей в неприкосновенности вековые приобретения каждого народа (?!) в его борьбе за существование с живой и неживой природой. **Толерантность и общечеловечность западной культуры является полной гарантией сохранения и дальнейшего развития у чуваш их ценных особенностей (?!) при непосредственном соприкосновении их с западной культурой. Она освободит дух чувашского народа (!) от оков, наложенных на него русской культурой** и, таким образом, чувашский **народ** получит возможность для самостоятельного устроения своей жизни" (Курсив мой, С. К.).

Вот куда гнет „наука" Милли! Значит, долой диктатуру пролетариата, долой пролетарскую социалистическую культуру, потому что пролетарская культура не „общечеловечна"..

Она разрушает вековые накопления чувашской культуры... Спасение-де на Западе... Там буржуазная „цивилизация" толерантна, веротерпима, общечеловечна!... Следовательно, да здравствует чувашская „культурно-национальная автономия" с его величеством... во главе!..

Таким образом, делая доклад на тему: „О замене существующего чувашского алфавита латинским“, Милли выступил с открытой контрреволюционной программой. И проведение латинизации алфавита у Милли преследует именно эту цель, цель приобщения чуваш к западной буржуазной культуре. „Усвоение его (т. е. алфавита, С. К.) чувашами приблизит их к западной культуре и даже в некоторой степени с необходимостью заставит их воспринять ее и тем в значительной степени ослабит ассимилирующее и разрушающее влияние отсталой (!) русской культуры на национальные основы чуваш“.

Однако, Милли не стесняется нахально прикрываться левыми фразами интернационализма. Это, конечно, лишь болтовня. На самом-то деле, Милли стоял и стоит за буржуазный, „общечелеческий“ интернационализм, который готовится к интервенции, подготовляет войну против страны Советов.

Видите ли, русская культура „отсталая“, поэтому она „разрушающе действует на чувашскую самобытную культуру“, „разрушает национальные основы чуваш“. То ли дело на „цивилизованном“ и „процветающем“ Западе. Там расцвет высшего человеколюбия, высшей гуманности. Там растут „дворцы-небоскребы“ для рабочих, для революционеров, для колониальных мелких народов, в этих „дворцах“—все достижения буржуазной гуманности, все достояния буржуазной техники,— электричество там служит стулом... Вот какую „культуру“ обещает Милли чувашским трудящимся. Вот чему научился этот „ученый“. Ведь он прошел четыре или пять ВУЗ'ов! После того, как он высказал свои „взгляды по национальному вопросу“, свои „ученые доводы“ ориентации на Запад, Милли прошел несколько ВУЗ'ов и аспирантуру. Но своих взглядов он не изменил и не отказался от них. И теперь Милли защищает

свою „точку зрения“. Следовательно, и сегодня Милли остается пособником интервенции, и сегодня он находится в одной компании с чувашскими национал-демократами (Юман, Никольский, Комиссаров Г., Егоров и др.), которые все в своих взглядах смыкаются с „эльменьщиной“,—правооппортунистическим чувашским национализмом.

Обоснование чувашской национальной самобытности и характер „чувашского национального духа“ нашли свое выражение, оказывается, и в таком отвлеченном понятии, как понятие о красоте.

Покойный Ф. П. Павлов, один из видных деятелей в области искусства, на одном собрании общества изучения местного края (4 марта 1923 г.) сделал доклад на тему: „**Понятие чуваш о красоте по народным песням**“. Согласно данных Павлова, жизнь чуваш—вечное наслаждение, вечное блаженство. „Много внимания уделяется в народных песнях понятию о красоте, красивым предметам вообще, красивой внешности чувашки, ее нарядам, физической и духовной силе чувашина“. Павлов продолжает в лирическом пафосе:

„Красив и приятен на вид лес, когда в нем березы начинают распускать первые листья, прелестны сады и огороды, когда в них цветут всевозможные цветы, в особенности, когда пурпурно-красный мак раскрывает свои махровые лепестки, приятно смотреть на поле или луг, когда там зеленеет молодая травка и своей широкой зеленой полосой ласкает утомленный в течение зимы взор; красив вообще мир, когда в нем сияет всемогущее солнце и своими огненными лучами озаряет все окружающее пространство, а улица очаровательна тогда, когда вечером молодежь играет в хороводе, пляшет и песни поет“ (Отчет об-ва изучения местного края Чувашской Автономной Области за 1921—1923 г., стр. 37).

Как в волшебной сказке! Как дивно построен мир! Чувашин только мечтает и уносится в область дивных грез... Покой и счастье, мир и благоволение.. Вот что приписывает мечтательный интеллигент чувашскому баграку, бедняку и середняку. Кулацкое благополучие и кулацко-обывательское довольство Павлов пытается распространить на все времена и на все трудящиеся массы. Павлов не хочет привлекать „обратного" понятия основной массы чуваш в дореволюционный период, в особенности, той части, которая пеклась под знойным палящим солнцем на помещичьих полях, работая за бесценок, или той части, которая бурлачила по Волге, или не видала света белого в подземных работах. Нельзя выхватывать из песен минутные эмоции, минорные или мажорные настроения. Песни нужно взять из конкретной социальной обстановки, в общем комплексе, который создан данной стадией развития общества, данным уровнем производительных сил. Следовательно, песни являются творчеством определенных классов, различных классовых группировок. В песнях отражены идеологии различных классов, наслоены идеологии различных стадий развития общества. Поэтические воззрения на природу, связанные с анимистическими представлениями, с антропоморфизацией сил природы мы видим почти у всех народов. Поэтому, нечего выдумывать Павлову, что подобные песенное творчество и представления о красоте являются особенностью чувашского национального духа. Это не что иное, как националистический тенденционизм. Мы говорили уже, что песни являются произведениями определенных социальных групп. Это положение подтверждается тем, что в песнях мы находим столько противоречивого, консервативного, традиционного, что в целом они совершенно негодны,

с точки зрения сегодняшнего дня. А Павлов собра „шедевры“ чувашской „эстетики“ и преподнес их в качестве данных сегодняшнего дня. Так подходит к идеологическим явлениям не годится.

Хотя говорят, что из песни слова не выкинуть, но это ничуть не означает, что песенный материал следует рассматривать как вечные категории. Павлов страдает тем же недугом, каким одержим Никольский. Этот недуг—ползучий эмпиризм и метафичность в анализе этнографических явлений. Нанизывание фактов в застывшем виде, как на всегда данных величин, „вне времени и простран ства“, всегда может привести к печальным резуль татам. Но наших „чувашеведов“ это мало беспо коит. У них на первом плане поставлен девиз „Собирай, фотографируй, описывай все, что ты видишь, слышишь, без всякого разбора“... Под эти же девизом шел и Павлов, имея перед собой опре деленную цель найти „жемчужины“ в недрах чу вашского „национального духа“.

И весь его „анализ“ понятия чуваш о пре красном исходит именно из его основной установки. В таком же духе он дальше нанизывает ряд песен давая к ним свои толкования:

„Чуваши любят высокого, стройного, вообщ рослого человека, обладающего большой физи ческой силой, с здоровым румянцем на полно лице, с звонким и чистым голосом, с легкой по ходкой. В песне любимая девушка представляется такою статною, что по красоте с нею в это отношении может поспорить разве только прямо и красивый ствол волжской ивы, растущей н островах. Голос у ней тоже красивый, точно лебе диный“ (Отчет, стр. 38).

Нелепость нашего „исследователя“ не имее границ. Он целиком попал в об'ятие нелепы

извращенных, логически путанных песен. Он не дает себе отчета в том, например, какая может быть красота в голосе лебедя?

Но зато от мужчины требуется только физическая сила, и он—красив. „В песнях любимый образ мужчины таков: хорош тот мужчина, который в гордом сознании своей силы подобен одинокому волку, самому красивому и сильному из зверей нашей фауны“ (Отчет, стр. 41-42).

А общий взгляд чуваш на красоту, по мнению Павлова, „соответствует пантюркскому“: ...„фигура стройная, талия тонкая, лицо продолговато-овальное и румяное, волосы длинные, глаза черные большие, голос звонкий, походка быстрая и легкая“ (там же, стр. 39).

Вместе с тем, „параллельно с понятием о красоте в чувашских народных песнях можно встретить и представление об уродстве... Физическое уродство... не высмеивается. Народный дух (!!) в этом отношении достиг высокой степени гуманности... Песня клеймит только тех... которые, имея наружную привлекательность, показали себя в обществе с дурной стороны и тех людей, которые сами не обладая красотой хотят казаться красивыми или... мнят о себе, что они красивы“ (41 стр.).

Так эстетствует Павлов. Нашел же человек материал, которым он оперирует или демонстрирует особенность, специфичность „чувашской культуры“.

Это явление, как мы видели, не единичное. Здесь Павлов выступил в контакте со всеми националистами, в контакте с Никольским, Юманом, Милли и К°. Павлов является известным деятелем в области музыки. И здесь, в музыке „чувашский национальный дух“ чувствуется более резко, чем где бы-то ни было. Созданы музыкальные произведения—гимны лаптю и сохе-горемыке. Вместе с

тем, в народные песни, в новые гармонизации очень сильно проникают поповские, церковно-служебные мотивы или реставрируются старые песни.

Здесь нет возможности останавливаться на трудах других националистов, проводящих в своих работах идею „чувашецентризма“ (М. П. Петров, Н. Золотов, Коричев, Эльмень и др.). Эльмень в достаточной мере уже разоблачен, поэтому здесь укажем на него лишь мимоходом.

В своей статье в журн. „Чувашское хозяйство“ № 3-4, 1928 г. Эльмень дал „синтез“ платформы буржуазного национализма и правого оппортунизма.

В этой же связи находится вся цепь „теоретических построений“, „ученых выводов“ всех национал-шовинистов. Как мы уже говорили, они с различных позиций, с различных углов отстаивают интересы мелкой буржуазии.

Благоговение перед стариной, идеализация „великой булгарской державы“, плач о потерянном „золотом веке“ чувашского народа—это единая цепь таких же „теоретических построений“, подобно тому, как Никольский пускает пыль в глаза ссылкой на „древность“, „седую старину“ и т. д.

Все упражнения Никольского окончательно разоблачают его как подлинного псевдоученого. Насколько смешны и детско-наивны его „сказания“ о том, что чуваши с древнейших времен и развитые земледельцы, и охотники, и скотоводы, а также в „седую старину“ занимались горным делом, „когда они жили вблизи соответствующих руд“.

Хотя Никольский пытается „увязать“ свой предмет с социологией (конечно, буржуазной), но все же он не может пользоваться хотя бы методом буржуазной социологии. Что же после этого требовать от нашего профессора? Конечно, он не имеет понятия о таких вещах, как социально-эко-

номическая формация, о производительных силах и производственных отношениях, определяющих структуру общества. Самое легкое дело говорить просто „народ“, „древность“, „седая старина“ и т. д. Нужно ли быть для этого профессором? Очевидно да. Но профессора бывают разные, все они стоят на позиции своего класса, представителями какого класса, сами являются. Буржуазному или мелкобуржуазному профессору вполне естественно быть метафизиком идеалистом. А для такого метафизика- Никольского „чувашский народ“—это вечная, навсегда данная величина и внеклассовая категория, для всех времен и эпох. При этом чуваши у Никольского существуют не как социальные существа, а как биологические индивидуумы.

Все так у него хватает наглости спекулировать марксизмом (неприлично же „советскому“ профессору не говорить о марксизме и не предварять своего труда толкованием о марксизме).

Посмотрим, однако, как толкует Никольский о марксизме и как он „применяет“ марксистскую методологию (это, впрочем, уже мы видели) в своей работе. На основе изложенного выше мы имеем уже кое-какое представление о Никольском. Мы могли бы заранее сказать о „марксизме“ Никольского. Но все же любопытно посмотреть на попа в „марксистском“ облачении, старающегося марксизм подменить мракобесием и демонологией.

4. Спиритуализм и мистицизм.

„Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его **переодеваться марксистами**“,—писал Ленин еще в 1913 г.

Этот прогноз Ленина во всей силе отражает и современную действительность. Переодетые в марксисты агенты II-го интернационала занимали командные высоты теоретического фронта, проводя

в своей работе ревизию марксизма-ленинизма. Итоги философской дискуссии и экономической дискуссии показали насколько глубоко проникли корни этого ревизионизма: контрреволюционная теория троцкизма, меньшевиствующий идеализм—„дебоpинщина“, меньшевистская идеология —„рубинщина“ и механистическая школа. Все области теоретического фронта в той или иной мере подвержены влияниям той или иной „школы“. Перелицетые в „марксистов“ меньшевики, идеологи II-го интернационала, или идеологи буржуазии вели и ведут вредительскую работу на теоретическом фронте. Во всех областях науки идет ожесточенная классовая борьба, во всех областях науки побеждает марксизм-ленинизм, но сопротивление классового врага еще сильно, и борьба на этой арене принимает чрезвычайно многообразные формы.

К сожалению, в области этнографии мы не имеем еще больших сдвигов. О марксизме в этой области науки мы можем говорить весьма условно. Эта область науки находилась по сей день в руках наиболее консервативной части буржуазной профессуры. Господствующее влияние в этнографии имеет еще буржуазная этнология. Этнография сама по себе чрезвычайно отсталая, заброшенная, научная дисциплина, мало тронутая марксистской методологией. Только в последнее время начинают подрастать молодые кадры и разрабатывается проблема применения марксистской методологии при изучении этнографических явлений. Уже коекакие попытки в этом направлении имеются.

Профессор Н. В. Никольский тоже стремится итти в ногу с „духом времени“. Подражая „моде“, он с легкой руки взялся применять марксизм в этнографии чуваш. Никольский, как попка, повторяет формулу: „Бытие определяет сознание“, но

это, у него звучит так же легко, как во время оно произносил он „господи помилуй“.

Делая таким образом „вступление“, убедившись в том, что попал в точку и облегченно вздохнув, он рассуждает вот как:

„Марксизм считает основным определяющим моментом экономику, а производным—остальные стороны (?) человеческой жизни и деятельности —с точки зрения генезиса явлений. С точки зрения К. Либкнета, экономическая основа и идеологические надстройки между собой связаны органически, почему и изучение их должно быть параллельно“ (?!) (стр. 11).

Далее Никольский цитирует К. Либкнехта и этим очевидно решает вопрос о марксизме. Чтобы говорить о марксизме, он нашел возможным обратиться лишь к следующим словам К. Либкнехта:

„Чтобы произвести социальный результат, все человеческие действия нуждаются во внешнем проявлении (манифестации); недостаточно, чтобы мысль, чувство, представление, знание, фантазия, воля таились лишь внутри человека, и чтобы он сам сознавал эти внутренние побуждения и состояния. Внешние проявления бывают опять-таки различны в зависимости от характера соответствующих душевных состояний (иногда посредством слова, а в более сложных случаях—при помощи словесных формул, образов, письменного или печатного изображения, или в „художественно-символических“ формах—в музыке, религиозных актах, наконец, в орудиях техники). Здесь перед нами внешнее выражение посредством материализации (овеществления) единственно возможная форма проявления и предпосылка, основное условие особенно для социального существования соответствующего идеалогического (об‘ективного) выражения. Таким образом, и здесь, для этого первого акта, об‘ектив

ного выражения идеологии—моментом решающего значения, основной предпосылкой служат „хозяйственные отношения“, служит вещественное, организаторское, психическое наследие“.

„Откуда это Никольский „выкопал“ совершенно неизвестно. Мы знаем, что К. Либкнет был революционером, и думаем, что он высказывал о марксизме лучшие мысли, но на основании приведенных его слов (в данном случае, на основании этой цитаты), нельзя обосновать марксизм. Тем более, что эти слова Никольский приводит, не давая себе отчета в их значении. Ведь можно было привести хотя бы небольшие цитаты из Марса, Ленина или из произведений Плеханова, если бы Никольский хотел бы говорить о марксизме удобопонимаемым языком. Нет, это он не мог сделать только потому, что он совершенно игнорирует марксизм и не имеет желания разобраться в основах марксизма, в элементарных положениях марксизма.

Затем для „веского слова“ Никольский приводит одну цитату из „Истмата“ Бухарина о том, что „нужно каждую форму общества рассматривать в ее возникновении и в ее необходимом исчезновении, т. е. в связи с другими формами“ („Курс“, 11).

Все это Никольский повторяет, совершенно не давая себе отчета в том, о чем он говорит. Это он делает для того, чтобы приступить к изложению собственной „философии“. И вот начинается настоящее „столоверчение“ и анализ „чувашского национального духа“.

„В чувашском народном сказании о кереметп слышатся отголоски идеи творения“ (6). „Национальный характер чувашина выражает то особое сочетание психических сил, внешними проявлениями которого служит национальная жизнь“.

„Самым основным элементом в национальном характере, как и в индивидуальном, является воля, т. е. общее направление склонностей“ (!)... „Настойчивость заставляет чувашина иногда нести непосильную работу“ (в роде „настойчивого“ профессора Никольского, взявшего на себя „непосильную работу“,—С. К.).

У Никольского всюду сказывается „настойчивость“, „воля“ и миссионерское „психическое наследие“. Везде он усиленно старается замазывать классовые различия чувашского крестьянина. Это различие Никольский находит только в трубке. Напр., на стр. 142 „Курса“, под рисунком № 85 указано: „трубка обычная среди чуваш“ и „трубка зажиточных“.

Но вообще... „чуваши по природе сердечный правдивый, гостеприимный“... „Преобладающее настроение чувашина... печальное. Он боится начальства и всякого руского“ (28-29).

„Исследование“ Никольского о пище чуваш, о меню чувашского стола, о кулинарии чуваш (стр. 187—215) привело его к следующим выводам:

„Приведенный перечень видов чувашской пищи дает основание относить чувашское питание к скудным даже в отношении углеводов; чуваши питаются значительно хуже вотяка, горного марийца и не может быть сравнением с татарином или русским.

Белки и жиры перепадают в желудок чувашина, главным образом, во времена праздничные: во дни поминовений усопших (в сентябре—октябре), жертвоприношений (октябрь—ноябрь), в святки, масленицу, „великий день“, в дни весенних праздников, и в страду (конец июня—июля)“ („Курс“, стр. 216).

Дальше Никольский повествует: „Повседневная пища чувашина сводится к хлебу и похлебке“...

Бедная питательными элементами пища чувашина заключает в себе богатый материал для историка культуры (!) Здесь он найдет элементы всех этапов культуры, от самой низшей до самой высшей ступени культуры" (216).

...„Экономист найдет в пищевом довольствии чувашина полнейшее отражение его экономики и безусловно одобрит чувашина за уменье „по одежке протягивать ножки", за стремление жить сообразно с доходом, не выходя из рамок собственного бюджета, и никому не одолжаясь" (216).

Вполне ясно, что именно хочет сказать Никольский. Он пытается „научно" обосновать кулацко-поповскую „теорию воздержания". Значит, скупись, постись и молись, чтобы снизить потребность до голодного минимума, чтобы кулак и поп забирали прибавочный продукт себе, побольше могли бы эксплоатировать батрака и бедняка!

Мы еще раз можем подчеркнуть, как Никольский оперирует материалами 18 и 19 веков и преподносит их в качестве материалов сегодняшнего дня. Согласно данных Никольского, у чуваш и сегодня существуют церемониальные жертвоприношения, происходящие в течение одного—двух месяцев, когда чуваши устраивают поминальные пиры, ставят столбы на могилах умерших и т. д. Это было, но уже позабыто, это было лет 50—100 тому назад. Чрезвычайно наивны утверждения Никольского, что на основании чувашской пищи можно построить историю культуры, экономическую структуру древних чувашских племен, установить те влияния, которые получали чуваши от соседних племен и обратно.

Совершенно не годится и недопустимо из дореволюционного материала делать выводы о сегодняшнем дне. Ведь теперь чувашские трудящиеся, благодаря Октябрьской революции

значительно улучшили свои условия жизни и стали питаться много лучше. Говорить сегодня о „скудном питании“, это значит повторять вопль ликвидируемого кулака.

Если в дореволюционных своих трудах по этнографии чуваш Никольский выступал как откровенный поп, популяризатор догматического богословия, то теперь он—делает некоторые попытки завуалироваться марксизмом и научными терминами. Но по существу Никольский тот же спиритуалист, мистик, каким он был „во времена братства св. Гурия“.

В чем же заключалась его „наука“ до революции? Эта „наука“ заключалась в следующем:

„Самым древним занятием надо считать плотничество. Оно появилось одновременно с жилищами. Чтобы разбогатеть от плотничества, нужно быть религиозным. Было трое братьев и все занимались плотничеством, двое были безрелигиозные, третий набожный; за все благодарил бога. За терпение получил богатство“ („Краткий конспект“ 1911 г., гл. IX, стр. 535).

„Воинская повинность у чуваш имеет для себя основание в их религиозных воззрениях. „На небе бог, а на земле царь“ начинается каждое моленье чувашина. На небе бог—хозяин, на земле царь, поэтому чувашин-охотник, когда захотел (!) перейти к земледелию, идет... к царю просить у него земли; обязуется за последнюю платить и натурой и деньгами“ (539).

Религиозные воззрения чувашина говорят в пользу садоводства. Яблони—божий дар“ (539). „Рябина имеет свойство отгонять нечистую силу; оно святое дерево“ (530).

„Есть у священника средство повысить душу прихожанина, настроить религиозно: это богослу-

жение. Сумеет он поставить богослужение как следует, дело просвещения прихода пойдет очень хорошо" („Краткий консп.", 598) [1])

Вот это называлось наукой. Здесь Никольский дает „философское обоснование" происхождения богатства, происхождения повинностей, оброков и барщины. Бог на небе и царь на земле — совершенно закономерное и естественное явление. Крестьянин должен был платить подати натурой и деньгами потому, что он обязался царю, когда впервые получал от него землю. Это у нас не вызывает удивления. Раз Никольский был агентом церкви и „благочестия", следовательно, и агентом жандармско полицейского самодержавия, он был действительным „верным сыном своего отечества" и мог строить свою „философию" только на гнусном обмане широких масс трудящихся.

В „Курсе" 1928 г., где уже говорится о марксизме, мы видим ту же самую идеалистическую пошлятину. Автор очень часто касается мифологии чуваш, в связи с освещением тех или иных вопросов материальной культуры и техники Религиозная мифология и религиозный фольклор проводятся просто как материал, при чем не делается никаких критических замечаний, оговорок, комментариев. И это делается Никольским вполне сознательно. Под видом освещения „произведений народного творчества" он проповедует мистицизм и содействует суеверию и демонологии. Сознательно напичкав свой „Курс" этой демонологий он ведет религиозную пропаганду.

Вот что он пишет в своем „Курсе":

„Свеча, сделанная из человеческого жира по мнению некоторых чуваш, помогает ворам... Воры

[1]) Цитируется из 26 тома Изв. Об-ва Арх. Ист. и Эти. при Каз. Ун-те, вып. 6 за 1911 г. Указанные после цитат страницы относятся к страницам этого тома.

во время кражи употребляют свечи из жира человека, для чего, будто бы, вырывают пикойников и вырезывают из них жир. При в'езде в деревню воры зажигают первую свечу и ставят на столб ворот околицы; вторую — на столб ворот дома хозяина, у которого хотят красть; третью свечу ставят на порог двери сеней или избы. Свеча действует... на живые существа усыпляющим образом; под действием свечи все живое спит мертвым сном.

От 1-й свечи засыпают люди и собаки деревни, от 2-й и 3-й—люди и собаки дома, в котором должна произойти кража" („Курс", стр. 45 46).

В другом месте автор говорит:

„Каждая постройка чувашина носит отпечаток древнейшего родового быта, что подтверждается всеобщим убеждением о населенности каждой постройки соответственным духом-покровителем .. В конюшне живет дух —покровитель скота" (49).

Для чего приводить такие мистические легенды и рассказы, раз не делается никакого анализа или даже намека на исторические, социально-экономические корни подобных легенд? Подобные примеры, приведенные эмпирически, как факты, без всякого разбора, без научной критики, способны принести только вред.

Кроме „Курса", такой же вреднейшей книгой Никольского является **„Народная медицина у чуваш"** (Чебоксары, изд. Наркомздрава ЧАССР, 1929 г., 61 стр.). Эта книжка имеет такую же „историю", как „история" „Курса". Материал, помещенный в книжке неоднократно опубликован вдореволюционных изданиях. Издавая этот материал, Наркомздрав расшаркивается перед мракобесом Никольским: „Сборник народная медицина у чуваш" принадлежит перу **Н. В. Никольского**, в этом смысле ценное, оригинальное исследование (!), которое

прольет свет в эту неисследованную область"... „Обзор настоящего исследования будет полезен каждому практическому врачу, работающему в Чувашской АССР—в другом смысле, он дает ему возможность глубокого, детального изучения деревенского знахарства, повитушества и корней, их питающих, книга вооружит врача в его санитарно-пропагандистской работе глубоким знанием народного быта, анатомо-физиологических представлений, обычаев, обрядов, верований, психологии больных и поможет врачу успешно вести борьбу со всеми антисанитарными сторонами быта чувашской деревни. Этот труд фольклорного характера представляет несомненный интерес и для широких слоев научных, культурных работников, чувашеведов, педагогов, музейных работников, этнографов, ориенталистов, чувашских быто-писателей и вообще для всех изучающих чувашский народ,—в нем на страницах рассыпаны прекрасные образцы поэтического народного творчества (!), заклинаний, наговоров, материал по мифологическим, космогоническим воззрениям чуваш. На путях изучения чувашского народа поставлена новая веха" (!) С такими рекомендациями Наркомздрав Чувашской республики издает этот „труд",—такие хвалебные гимны воздает спиритуалисту Никольскому представитель Наркомздрава доктор Анисов в своем предисловии. Как выглядит в действительности эта книга? Во-первых, с внешней стороны книжка ничем не отличается от дореволюционных статей Никольского по данному вопросу. Для автора даже не существует Чувашии. Все географические названия, как территории Чувашии, так и чувашских населенных мест вне республики, приводятся по дореволюционным данным: „уезд", „волость" и т. д. А если говорить о содержании этого „оригинального исследования", то оно

представляет собой исключительно фактический материал с некоторыми комментариями автора в роде того, что „Чувашские народные средства против лихорадки мало чем расходятся с научными медицинскими средствами“ (!) (стр. 9)... „Больница в пользу которой будете вы говорить... встретит, возражения—древние люди жили и без больницы; в теперешнее время незнай что выдумывают“ (стр. 15)... „Если кто-либо прочитает им брошюру о трахоме на чувашском языке, то обыкновенный ответ на все резоны книги: так то оно так, только нам, чувашам, где за ними угнаться... Если угнаться за русскими, то, пожалуй, умрешь с голоду“ (14—15).

Значит, пусть чуваши живут самобытно, без врачей, без больниц, пусть довольствуются „лечением“ своих йомзей, ворожеек, которые эксплоатируют бедноту и маломощных середняков, поддерживают религиозность, суеверия и темноту среди населения, в особенности среди женщин. Но нет! Намерение и мечты господина профессора опрокинуты жизнью! Чувашские трудящиеся борьбу с болезнями считают одним из важнейших участков культурного строительства. В чувашских деревнях уже сотни ячеек РОКК и ячеек Общества борьбы с трахомой. Из года в год расширяется сеть лечебных учреждений, с захватывающим интересом читаются популярные брошюры о трахоме, чахотке, чесотке и т. д. и советы книжек, советы фельдшеров, врачей чуваши применяют в своем быту.

„Народная медицина у чуваш“ бесспорно имеет фактический материал, но в такой трактовке, в такой интерпретации настоящая книжка является „незаменимым“ руководством для шарлатанов, знахарей; тем, кто за счет народного невежества

хочет поживиться,— книжка окажет „ценную“ услугу. Вот основной, главный вред этой книжки.

Как „Курс“, так и „Народная медицина“, а равно и другие работы Никольского составлены по принципу профессорской „об‘ективности“, голого однобокого констатирования „фактов“ с своеобразным толкованием. Маску „марксиста“ с него нужно снять немедленно и разоблачить его до конца, как псевдоученого. Вместе с тем, такую же работу необходимо проделать в отношении „ученых исследований“ других националистов.

5. Выводы и наши задачи.

Какие же выводы можно сделать, хотя бы на основе нашего краткого обзора?

Эти выводы весьма просты и они напрашиваются сами. Делая эти выводы, мы неизбежно должны затронуть все вопросы теоретической научной разработки истории чуваш, вопросы общей борьбы на идеологическом фронте. Ведь мы не можем рассуждать только об этнографии, о задачах марксистов в области этнографии, вне связи с общими боевыми проблемами диалектического материализма, в области овладения последним всей теоретической мысли, в особенности проблем истории „неисторических“ или „младоисторических“ народов Советского Союза.

Что можем мы сказать в отношении истории чуваш? Как в целом вся почти историческая литература о чувашах, так и литература по этнографии в научном отношении весьма сомнительна и проникнута националистическим тенденционизмом. Эта литература, главным образом, создана агентами царизма: миссионерами, лакеями буржуазии и дворянства. До революции они обманывали трудящихся чуваш „верой христовой“, большинство из них были выходцы из поповской и кулацкой среды,

из среды мелкой буржуазии. Поколение этой старой эсеровско-миссионерской интеллигенции Октябрь встретило враждебно, а часть старалась приспособиться к „новым условиям“, под маской „лойяльности“.

Закончилась гражданская война. Образовалась Чувашская область, а затем—республика. Нужны были культурные кадры. И вот все командные высоты культурного фронта оказались в руках „старого поколения“ национальной интеллигенции. Из года в год они вели свою работу и стремились направлять культуру в русло национализма. Укрепление диктатуры пролетариата, рост социалистического сектора промышленности и сельского хозяйства Чувашии, рост молодых культурных кадров из среды рабочих, бедняков, батраков, проведение в жизнь ленинской национальной политики и усиленное наступление на остатки капитализма в городе и деревне „пугнуло“ национал-демократов, кадетствующих миссионеров. Потихонечку начинают появляться „теорийки“ и в Чувашской партийной организации и оживляется движение среди национальной интеллигенции. Появляются „ученые труды“ по экономике, истории, этнографии и т. д. И уже целые, оформленные, ясно выраженные политические мотивы националистов принимают вид определенной политической платформы—национал-демократизма, местного национализма и великодержавного шовинизма.

Мы довольно подробно разбирали теоретические построения чувашских националистов и буржуазных национал-демократов среди чувашской интеллигенции. По этому вопросу т. Сталин в своем докладе на 16 м с‘езде партии дал ясную и четкую формулировку, раскрыв исторические

и политические корни местного национализма. Тов. Сталин сказал:

„Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защищаться от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет наруку интервенционистам“.

Эта характеристика тов. Сталина полностью отражает и чувашскую действительность. В Чувашии, как и во всех национальных областях и республиках имеется проявление как великодержавного шовинизма и местного национализма, главную опасность из этих уклонов на данном этапе представляет великодержавный уклон.

Местный национализм, смыкаясь с правым оппортунизмом, использовывает и теоретический фронт для своих политических целей, для чего блокируется с буржуазно - националистическими элементами из среды чувашской интеллигенции. Все области культурного фронта в той или иной мере проникнуты национализмом; теоретические построения в области истории, этнографии и т. д

выражают идеологическую или политическую платформу буржуазного национал-демократизма.

Перед нами стоит задача: вырвать из рук национал-демократов, кадетствующих миссионеров все участки теоретического фронта; овладеть всем положительным материалом, накопленным старыми учеными, преодолеть их, противопоставить миссионерско-богословской и националистической концепции марксистско-ленинскую методологию.

При переоценке „ценностей“ миссионерского наследия, при проверке трудов по истории и этнографии чуваш, мы не должны с одной меркой подходить ко всем ученым, ко всем произведениям. Весь старый материал мы не можем свалить в общую кучу макулатуры. Среди трудов либерал-народников, и даже среди трудов миссионеров имеется не мало ценного фактического материала. Но все это мы должны воспринять строго критически и продолжить развитие науки, в частности этнографии, не механически надстраивая новые пролетарские этажи на старом буржуазно-националистическом, миссионерском здании, а диалектически реконструировать это старое наследство, отбрасывая и сохраняя, отрицая и утверждая в одно и то же время. Отбрасывая буржуазно националистические, миссионерско-идеалистические построения и дилетантские выводы, мы должны сохранять, утверждать и развивать в этом старом наследстве все то, что пригодно для нового научного строительства, для осуществления ленинской национальной политики, для строительства социализма.

В этой сложной, упорной, может быть, длительной работе по преодолению, усвоению и отрицанию старого наследия, мы должны всегда руководствоваться указаниями тов. Ленина. По вопросу о том, как подходить к буржуазным ученым

и к их научным трудам, как подходить к старому научному наследию, тов. Ленин писал:

„**Ни одному** из этих профессоров, способных давать в специальных областях химии, истории, физики, **нельзя верить ни в едином слове**, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой **ни единому** профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить **ни в едином слове**, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя—такая же **партийная** наука в современном обществе, как и **гносеология**. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии—ученые приказчики теологов.

Задача марксиста и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),—и **уметь** отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести **свою** линию и бороться **со всей линией** враждебных нам сил и классов“ (т. XIII, 2 изд. „Материализм и эмпириокритицизм“, стр. 280).

Мы не должны забывать эти указания Ленина. По выражению Энгельса, нам нужно „всю историю начать изучать сызнова“. Историческая наука, а равно одна из частей исторической науки—этнография должна быть нами отвоевана от националистов, мобилизовав уже имеющиеся молодые кадры. Вместе с тем, мы должны форсировать подготовку молодых научных кадров из рабочих, колхозников, коммунистов и комсомольцев.

Действительная научная разработка вопросов истории, этнографии и других областей науки возможна только на основе марксистской методологии, при соблюдении беспощадной **самокритики**, при соблюдении **коллективности** в разработке научных проблем, ведя решительную борьбу со всякими видами национал-шовинизма, великодержавного уклона, со всякими „национал-центристскими“ теориями.

В своем выступлении на 1-й всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы тов. Молотов сказал:

„Руководствуясь марксистско-ленинским методом, мы,—большевики, стремимся к обеспечению господствующей роли метода диалектического материализма во всех областях науки. Этот метод, как подлинно научный метод, является лучшим орудием овладения нашими растущими научно-техническими кадрами всеми достижениями мировой науки и техники. Последовательная борьба за господство этого метода во всех областях науки соответствует действительным интересам развития самой науки. Эта борьба означает непримиримость в отношении идеалистических теорий со всеми их откровенными и прикрытыми реакционными придатками. Только в этой борьбе можно воспитать марксистско-ленинские кадры научно-технических работников. Вместе с тем нельзя упрощать задачи этой борьбы. В виду слабости наличных марксистско-ленинских научных кадров нужен еще длительный период для того, чтобы обеспечить господство метода диалектического материализма в науке. При этом марксистско-ленинская критика ошибок научно-технических работников должна исходить из того, чтобы не только отталкивать, а все больше

завоевывать на свою сторону действительных работников науки и техники [1]). Необходимо соблюдение товарищеских форм в этой критике и по отношению к тем специалистам, которые успешно работая в той или иной научной области, не пришли еще к признанию правильности марксистско-ленинского научного метода. Больше того, обязанностью марксистско-ленинских научных кадров является постоянная и упорная работа по усвоению достижений мировой науки и техники, по переработке огромных результатов научной работы буржуазных специалистов и использование всего этого для дела социализма, как этому учил нас Ленин".

Если при царизме этнография являлась слугой империализма, то при диктатуре пролетариата, в Советском Союзе этнография должна содействовать свободному развитию национальностей, должна служить одним из рычагов культурного строительства, развития национальной культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Советская этнография не может разрешить своих коренных и насущных методологических и практических вопросов, не увязав их самым тесным образом с важнейшими задачами социалистического строительства и общими мероприятиями советского правительства, в частности, с его работой в области национальной политики.

Советская этнография не может плодотворно развиваться, абстрагируясь от работы в других областях советской науки, и, прежде всего, в области единственно-научной методологии—методологии диалектического материализма—методологии марксизма.

---

[1]) „Нашего" Никольского мы ни в коем случае не можем причислить в категорию действительных работников науки.

Внедрение марксизма в этнографическое исследование является насущнейшей задачей, которой должно быть уделено, поэтому, особое внимание всех этнографов.

Стремясь к увязке с марксизмом, советские этнографы одновременно отмежевываются от всяких явных или скрытых идеалистических и вульгарно-материалистических тенденций в общественных науках, от всякого фидеизма, психологизма, биологизма, от пережитков расплывчатой мелкобуржуазной народнической идеологии, а также от порочащих каждое научное исследование дилетантских подходов" (из резолюции совещания этнографов Ленинграда и Москвы в 1929 г. по докладам П. Ф. Преображенского и В. Б. Аптекаря, пункты 1, 2 и 3).

Эти решения совещания этнографов Москвы и Ленинграда, в основном правильны и являются показателем того, что и в области этнографии намечаются определенные сдвиги. Но само решение нуждается в некотором уточнении. В резолюции имеются, например, такие формулировки: „Методология диалектического материализма". Как будто, диалектический материализм имеет еще какую то свою методологию. Между тем, именно сам диалектический материализм является методологией марксизма-ленинизма. Затем, в резолюции чувствуется нерешительный, „осторожный" подход к марксизму. В резолюции сказано: „Стремясь к увязке с марксизмом"... Эта формулировка весьма расплывчата. Мы не только должны „стремиться к увязке" этнографии или краеведческой работы с марксизмом, а решительно приступить к коренной перестройке этнографии и всей краеведческой работы на основе диалектического материализма. Без этого этнография останется той же „тряпкологией", тем же эмпирическим, описательным „вещеведением", каким она была до сих пор. Без перестройки этно-

графии на базе марксизма-ленинизма мы не имеем никакого основания называть эту научную дисциплину „советской этнографией“.

С момента принятия этих решений совещания этнографов, прошло порядочно времении. Но приходится констатировать, что должного перелома в осуществлении этих решений еще не чувствуется. А работ по этнографии, с применением марксистской методологии, можно сказать, почти еще нет. Следовательно, молодым работникам приходится довольствоваться только своими собственными попытками в этом направлении, не имея руководящей помощи со стороны этнографов, называющих себя марксистами.

Мало выносить резолюции о применении марксизма в области этнографии или других, подобно этнографии, отсталых научных дисциплин, а надо решительно, по-революционному действовать на деле, чтобы действительно создать подлинно советскую, марксистскую этнографию. В Советском Союзе, в стране строящегося социализма не должно быть такой научной дисциплины, которая была бы вне социалистического строительства. Вместе с тем, для осуществления задач в области перестройки научной работы, для подчинения всех без исключения научных дисциплин задачам социалистического строительства требуется единое плановое руководство всей системой научных учреждений, занимающихся научно-исследовательской работой и подготовкой научных кадров. Эта задача в особенности остро стоит на востоковедном фронте, на фронте изучения проблем, вытекающих из задач социалистического строительства в национальных окраинах.

Исходя из этих основных задач должна строиться и работа в области этнографии и краеведе-

ния. Из этих же задач должно исходить и этнографическое изучение чуваш.

Поскольку этнография занимается изучением отдельных народностей, отдельных этнических групп, то она тесно связана с национальным вопросом. Раз так, то этнография и краеведческая работа должны быть направлены на проведение ленинской национальной политики партии, на борьбу против великодержавного шовинизма, как главной опасности в нац. вопросе и против местного национализма ведущего к расколу интернационального единства пролетариата. В условиях Чувашии мы должны направить огонь как против великодержавного шовинизма, так и против эльменьщины, являющейся проявлением мелкобуржуазного либерализма, агентурой кулачества. Вместе с тем, мы должны вести непримиримую борьбу против откровенно-антисоветского национал-демократизма, разоблачая широким массам трудящихся и учащейся молодежи контрреволюционную сущность, идеалистическую концепцию теорий Юмана, Милли, Г. Комиссарова, В. Г. Егорова, М. П. Петрова, Н. В. Никольского, Ф. Т. Тимофеева и др..

В отношении борьбы с национализмом XVI с'езд нашей партии дал четкую директиву, и в работе в области этнографии мы должны руководствоваться этими директивами. Исходя из решения XVI с'езда партии Чувашская партийная организация приняла и принимает практические меры в области борьбы с национализмом. В нашей практической работе этнографы и краеведные работники всегда должны руководствоваться решениями и директивами партии и советской общественности. Общие решения, как в целом в области научной работы, так и в области музейной, краеведной и этнографической работы мы должны конкретизировать к местным национальным усло-

виям. На основе этих решений мы должны выработать практические указания, методические разработки по собиранию и научной разработке этнографического материала, фольклора и т. д., делая упор на актуальные проблемы в этой области. Этнографическая и краеведная работа должна заняться изучением процесса социалистического строительства в национальной деревне и формирования на этой основе новой идеологии, новой социалистической культуры. В системе этнографической работы надлежащее место должно занимать изучение процессов отмирания религии, состояния религиозного движения и антирелигиозной пропаганды. Таким образом, этнографическую и краеведную работу мы сумеем подчинить задачам социалистического строительства, задачам классовой борьбы на данном этапе нашего строительства. Во всей этой работе мы должны опираться на всю советскую общественность, на местные культурные силы, вовлекая в краеведное движение широкие слои комсомольцев, учителей, учащейся молодежи, колхозников и т. д. Основным методом этнографической работы должен быть метод социалистического соревнования и ударничества. Ударные бригады по изучению актуальных проблем в области этнографии расширят кадры практических работников в этой области и возбудят живой интерес к этой работе местных культурных сил. Тогда мы сумеем вырвать этнографию из рук национал-демократов и сумеем превратить эту научную дисциплину из замкнутой, мертвой, застывшей дисциплины в живую, актуальную научную дисциплину, которая будет принимать активное участие в социалистическом строительстве.

Зн. 124320. Бум. 3108 листов.

Оглавление.

1. Старая ряса в новых заплатках.

2. Проповедь о „мире всего мира“.

3. Метод Никольского и национал-шовинистический тенденционизм „чувашеведов“.

4. Спиритуализм и мистицизм.

5. Выводы и наши задачи.

